

Елена
Винчи

Кто не спрятался,
Я не виновата

Елена Винчи

Кто не спрятался, я не виновата.

«Автор»

2026

Винчи Е.

Кто не спрятался, я не виновата. / Е. Винчи — «Автор», 2026

Говорят, что проблемы исчезнут, как только их полюбишь. Не думала я, что буду преследовать такую любовь, чтобы освободить представительниц прекрасного пола от их «верных» мужей и женихов. Я не делю мир на добро и зло. Логика моих поступков понятна только мне. Я разрушаю старые порядки и толкаю девушек, наконец, полюбить себя. А если ты всё ещё живёшь по принципу «сор из избы не выносить», то я спешу к тебе со своей метлой.

© Винчи Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Винчи

Кто не спрятался, я не виновата.

Глава 1

— Велиса, ты же понимаешь, что это не допустимо в нашей элитной школе,— кричала на меня директор Ольга Романовна, срываясь на визгливый крик.

Её и без того полное лицо, казалось, раздулось до немыслимых размеров, наливаясь багровой яростью.

— Если семья Хомкиных подаст жалобу, ты не просто лишишься места. Я тебя лично... — Тут она осеклась на полуслове, грузно опустившись в глубокое кожаное кресло цвета топленого молока.

— Продолжайте, Ольга Романовна, — я позволила себе холодную усмешку.

— Не смейте себя сдерживать. Пусть сегодня ваш праведный гнев обрушится лишь на мою голову, а не на ваш семейный очаг. Ах, постойте... Точно. Вы же в разводе. Прошу прощения за бестактное напоминание. Что ж, излагайте свою мысль до конца. Вы ведь знаете, что яркая, неконтролируемая агрессия так же губительна для сосудов, как и подавленный гнев. Предлагаю нам обеим сделать глубокий вдох и перейти на более конструктивный тон.

— Как ты смеешь... со мной... так разговаривать?! — прошипела она, задыхаясь от бесильной злобы.

— Я напишу такую характеристику, что тебя не возьмут даже уборщицей в привокзальный туалет.

Я лишь тихо рассмеялась.

— Ольга Романовна, вы всё ещё живёте в прошлом веке. Эпоха рекомендательных писем канула в Лету. Сегодня миром правят результаты труда и сарафанное радио.

Лицо директрисы, покрытое алыми пятнами нервного тика, вновь затряслось мелкой дрожью.

— Зря, зря ты бросаешь мне вызов. Ты даже не представляешь, с кем связалась.

— Отчего же? — я бесцеремонно перебила её.

— Представляю более чем прекрасно. И поверьте, я осведомлена не только о ваших... делишках. Скандал сейчас не нужен никому. И в первую очередь — вам. А то, что Хомкин получил по заслугам, — это факт. Вы как руководитель обязаны защищать интересы жертвы, а не той стороны, чей кошелек тяжелее.

— Это же надо было додуматься — ударить по лицу сына главы администрации! Нет, я это так не оставлю!

Ольга Романовна с неожиданным проворством для своей комплекции ткнула пухлым пальцем в кнопку коммутатора.

— Потапову из девятого «В» ко мне! Живо!

В кабинете повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг и скрипом ручки: директриса демонстративно погрузилась в подписание каких-то документов. Эти три минуты ожидания тянулись невыносимо долго.

Дверь наконец отворилась с тихим щелчком, и на пороге возникла Ксюша Потапова. В кабинет вошла хрупкая девушка невысокого роста, чья природная красота казалась почти неземной. Густая копна белокурых волос была стянута на затылке в строгий хвост, а белая классическая блузка и тёмно-синяя юбка ниже колен лишь подчёркивали её врождённую скромность и порядочность. Она была из тех редких созданий, что стесняются своей прелести и не умеют ею пользоваться. И это при том, что её отец, Игорь Иванович Потапов, владел едва ли не

половиной ресторанной сети в округе. В нашей школе учились дети непростые; большинство кичились своим положением, но некоторые, как Ксюша, словно прилетели с другой планеты — тихие, замкнутые и нерешительные.

Но сегодня именно она преподавала урок Глебу Хомкину. По моему совету она обрушила на него увесистый учебник так, что с этого напыщенного индюка вмиг слетела вся спесь. Это не был внезапный срыв или прорвавшаяся плотина терпения. С такими отморозками нужно действовать на опережение — здесь и сейчас. Чтобы впредь у него и мысли не возникло повторить подобное. Он должен бояться.

А бояться он будет по праву. Ведь задирать слабых способны лишь те, кто ещё слабее духом, но искусно маскирует свою никчёмность и находит опору в стае себе подобных особей.

— Ксюша, это правда, что Велиса Викторовна дозволила тебе ударить Глеба Хомкина? — голос директрисы, сухой и бесцветный, разрезал гнетущую тишину кабинета.

Девочка робко подняла на меня свои глаза, полные смутения и затаённой обиды. Я не привыкла к этой удушающей тишине, к выжиданию, когда кто-то другой должен первым нарушить покой. Я не могла молчать.

— Ксюша, говори как есть и ничего не бойся, — мой собственный голос прозвучал неожиданно твёрдо, словно я пыталась влить в неё частичку своей непреклонности. — Ты поступила правильно. Не нужно терпеть подобное.

Мой монолог оборвался на полуслове, словно натянутая струна. В разговор властно вмешалась Ольга Романовна.

— Пусть она сама расскажет, — отчеканила директриса, и в её тоне звякнул лёд.

Ксюша судорожно втянула воздух, набираясь смелости, и быстро протараторила признание. Жаловаться она явно не привыкла, и каждое слово давалось ей с трудом.

— Глеб... он стянул с меня юбку. И я его ударила.

На губах Ольги Романовны заиграла тонкая, презрительная усмешка.

— Ксюша, но это же не равноценные вещи. Он тебе ничего не повредил, даже юбку не порвал. А ты его ударила книгой. У него огромная ссадина и кровоподтёк на глазу. Ты не права!

— Так, стоп, уважаемая Ольга Романовна, — я подалась вперёд, и слова полились из меня раскалённой лавой.

— Вы пригласили девушку сюда лишь для того, чтобы добавить ей травм в «кармашек»? Рожа у него заживёт, а вот из памяти такие унижения стираются с невыносимым трудом.

— Велиса, выйди из кабинета, — неожиданно скомандовала директриса.

— Нет. И не подумаю, — отрезала я, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость.

— Только вместе с Ксюшей.

В этот момент в дверь тихо, но настойчиво постучали. На пороге стояла мать девочки. Это была красивая, безупречно ухоженная женщина лет сорока пяти, но её глаза — потухшие и безжизненные — выдавали глубокую внутреннюю драму.

Ксюша бросилась к матери и разрыдалась.

— Ксюша, Ксюша, девочка моя... Не нужно так переживать, мы всё решим. Мы накажем обидчика, — прошептала Марина Сергеевна, глядя дочь по голове.

И тут произошла потрясающая метаморфоза. Голос Ольги Романовны мгновенно потеплел, стал медовым и сочувствующим. Потрясающая игра одного-единственного актёра на потеху публике.

— Так, пока этот фарс не зашёл слишком далеко, — начала я снова, вклиниваясь в эту фальшивую идиллию, — и пока меня ещё не уволили за неповиновение, скажу прямо, Марина Сергеевна. Глеб Хомкин стащил юбку на глазах у подруг Ксюши. Я в тот момент вошла в класс и увидела эту унижительную картину. Я лично вложила Ксюше в руки книгу и предложила дать ему сдачи. Он смеялся. Он не воспринял это всерьёз. За что и был наказан. Ксюша оказалась

сильной девушкой физически. И я думаю, что в следующий раз Глеб и его свита трижды подумают, прежде чем причинить ей вред.

— Спасибо вам... что заступились за мою дочь, — тихо сказала Марина Сергеевна.

И в этот миг я всё поняла. Я увидела в её глазах отражение глаз дочери и осознала: в их семье творилось что-то неладное. Позицию жертвы Ксюша копировала у матери. Даже за фасадом больших денег и безупречного внешнего лоска в их взглядах не было ни внутренней силы, ни живого блеска.

Я не стала дожидаться очередной отповеди от Ольги Романовны. Молча дотронувшись до плеча всё ещё дрожащей Ксюши, я направилась к выходу из этого душного кабинета. Уже за спиной я услышала крик директрисы о том, что со мной она ещё не закончила.

Но я-то с этой школой закончила. Тяжело учить детей, которые не видят в профессии учителя ничего святого и важного. Им не интересны подвиги и ошибки прошлого, потому что они боятся совершать свои собственные и учиться на них. Они привыкли, что за них всё решит папа, мама или их деньги. Им скучно слушать о далёких странах — они уже давно объездили их все с нянями и гувернантками. Что им действительно доставляет извращённое удовольствие, так это охота за слабым в их стаде. Они ищут того, кто уязвимее их самих, и получают низменный кайф от унижения другого человека. Неважно каким способом — главное, чтобы о них говорили.

По дороге домой, когда в руках у меня таяло ванильное мороженое для меня и для моей подруги Юльки, с которой мы делим и крышу над головой, и бытовые хлопоты, я поймала себя на горькой мысли. До следующей зарплаты в кармане сиротливо звенели всего четыре тысячи. А сегодняшний инцидент в школе, после которого я осталась без работы, лишь подтвердил очевидное: мне срочно нужно искать новое место. Школьные стены, полные детского гомона и учительских интриг, я решила оставить в прошлом навсегда.

— Что-то ты сегодня рано, — раздался из прихожей знакомый голос, и на пороге возникла Юлька.

Я устало стянула с ног промокшие от весенней слякоти кроссовки и, не поднимая глаз, выдохнула:

— Меня уволили. И зачем-то цокнула языком.

— Как снова? — возмутилась подруга. Её негодование было таким искренним, словно она до сих пор не могла привыкнуть к тому, что меня вышвыривают с работы с завидной регулярностью.

— Что на этот раз?

— Ничего особенного, — я пожала плечами.

— Один малолетний мажорчик возомнил себя властелином мира и получил по физиономии.

— Ты его ударила? — ахнула Юлька. Я усмехнулась, изогнув бровь дугой: — Ты совсем, что ли? Я так больше не делаю. Юлька прыснула со смеху. Она знала эту историю. — Одной ботаничке я просто вручила учебник и сказала: «Бей». Ну она и вырубил его. Шум поднялся до небес. Меня снова выставили провокаторшей, грозились уволить... Но я не стала дожидаться. Сама ушла.

Да, видимо, работа с детьми — это действительно не моё призвание. — А где же твоё место? — с улыбкой спросила подруга, гремя тарелками на кухне и накрывая на стол к обеду.

— Наверное, на стройке. Прорабом. Должна же мне где-нибудь пригодиться моя медаль по боксу, — мрачно пошутила я.

— Ладно уж, глупости не говори, — отмахнулась она.

— Я поговорю со своей начальницей. Может, у нас найдётся для тебя местечко.

— В банке? — я расхохоталась в голос.

— Там даже защитных стёкол уже нет. Не хочется, чтобы тебя оттуда выгнали из-за меня. Юлька налила мне полную тарелку дымящегося борща и кивнула на стул.

В этот момент в коридоре, из глубины сумки, разрывался мой телефон. Я метнулась к нему, как к спасательному кругу.

— Кто там? — крикнула мне вслед Юлька.

— Не знаю, незнакомый номер, — ответила я и приняла вызов.

В трубке зазвучал приятный женский голос:

— Велиса Викторовна?

— Слушаю вас. На линии повисла секундная тишина.

— Это мама Ксюши Потаповой. Я хочу ещё раз сказать вам спасибо за то, что заступились за мою дочь. Я знаю, что вас уволили...

— Уже? — невольно улыбнулась я в трубку.

— Так быстро, даже четырнадцать дней отрабатывать не пришлось. Ну да ладно.

— Вот я и подумала... может быть, вы согласитесь временно поработать у нас?

— У вас? Кем? — удивилась я. Снова пауза.

— Скажем... репетитором по истории. Предложение было настолько неожиданным, что я растерялась.

— Но у Ксюши же пятёрка по истории. Она знает её лучше, чем я.

— Я просто понимаю, что из-за нас вы лишились работы. Это временно, пока вы не найдёте что-то постоянное. Как вы на это смотрите?

В этот момент к трубке жадно прилипла Юлька. Она буквально сунула ухо мне под руку, мешая слушать и отчаянно шипя:

— Соглашайся! Соглашайся! Она прекрасно понимала, что пока я безработная, вся тяжесть квартплаты ляжет на её плечи.

— Хорошо, — робко согласилась я.

— Когда начинать?

— Как вам будет удобно, — ответил тихий приятный голос.

— Детали обсудим при встрече. «Детали? Какие ещё детали?» — пронеслось у меня в голове, но вслух я промолчала.

— Если вам будет удобно, то завтра я могу заехать за вами, и мы вместе пообедаем. — Хорошо, — снова как замороженная ответила я.

— Договорились. Завтра в двенадцать я буду у вашего дома.

— Хорошо.

Марина Сергеевна положила трубку. Я стояла посреди коридора с телефоном в руках и чувствовала себя совершенно растерянной. Звонок был странным, почти нереальным.

— Вот видишь! Где-то убыло, а где-то прибыло! — радостно воскликнула Юля, возвращаясь к своему борщу.

Меня тоже грела мысль о том, что без денег я не останусь, но на душе почему-то было тревожно и неуютно от этого внезапного поворота судьбы.

Ровно в полдень, когда стрелки часов слились в единую линию на циферблате, к моему подъезду бесшумно подкатил ослепительный, цвета ночного неба «Мерседес». За рулём, скрывая половину лица за массивной оправой тёмных очков, сидела мама Ксюши. Я распахнула дверцу и скользнула в прохладное, пахнущее дорогой кожей нутро автомобиля, опустившись на переднее пассажирское кресло.

— Предлагаю пообедать у папы Риццо, — её голос прозвучал мягко, словно бархатный баритон.

Я знала это имя. «Папа Риццо» — храм высокой итальянской кухни, закрытый клуб для избранных, порог которого я никогда не переступала.

— Может, выберем что-то менее претенциозное? Всё-таки я пока без работы, — прямо ответила я, чувствуя, как к щекам приливает краска.

Марина Сергеевна одарила меня сияющей белоснежной улыбкой, но в её безупречном ряду я вдруг заметила предательскую пустоту — кажется, не хватало четвертого зуба. Дефект был почти неуловим и исчезал, стоило ей сомкнуть губы. «Странные эти богачи», — пронеслось у меня в голове.

— Я вас угощаю, — пролепетала она, не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги.

Ночью бушевал ливень, и теперь на ней была строгая водолазка с длинными рукавами и струящиеся брюки палаццо. Густые волосы были туго стянуты в конский хвост — идеально гладкие, они отливали холодным глянцевым блеском. В её облике не было ничего лишнего: ни колец на пальцах, ни серёг в ушах. Даже ногти были острижены так коротко, что свободного края почти не было видно.

При всей моей природной общительности здесь, в этом коконе роскоши, я чувствовала себя скованно. Давление богатства ощущалось почти физически.

— Красивая машина. Сами себе купили? — с кривой усмешкой спросила я, заранее зная ответ.

Её это ничуть не смутило.

— Это подарок мужа.

Я скривила гримасу напускного удивления и качнула головой в знак восхищения, хотя внутри всё сжалось от неловкости.

— И что же за повод был?

«Зачем ты это спрашиваешь?» — тут же одёрнул меня внутренний голос, но любопытство оказалось сильнее благоразумия.

— За измены, — отрезала она строго и посмотрела на меня в упор. Этот взгляд должен был стать ледяной стеной, пресекающей дальнейшие расспросы. Но я была нетактична до мозга костей.

Её холодный тон не возымел на меня никакого действия.

— И сколько же у вас таких... подарков?

На мгновение в салоне повисла тишина, а затем мама Ксюши вдруг рассмеялась — легко и искренне.

В этот миг я поняла: «Мы найдём общий язык».

Метрдотель с учтивым поклоном проводил нас к заказанному столику, и услужливый официант протянул тяжёлые, в кожаных переплётках, папки меню. Утренний сон, затянувшийся до половины одиннадцатого, оставил во мне лишь лёгкую пустоту, которая теперь грозила перерасти в волчий голод. Я была готова проглотить всё меню целиком, однако остатки приличий заставили меня выбрать лишь тарелку бархатистого грибного крем-супа и классический салат «Цезарь». К моему искреннему изумлению, мама Ксюши попросила принести ей точно такой же набор.

Пока повара колдовали над нашим заказом, Марина Сергеевна нарушила тишину. Её голос прозвучал официально и немного отстранённо:

— Велиса Викторовна.

Я поспешно её прервала. Это церемонное обращение заставляло меня чувствовать себя древней старухой.

— Давай на «ты», — мягко улыбнулась я, привычно поправляя ударение в своём имени.

— Просто Велиса. Ударение на «и».

— У тебя очень красивое имя, — с неподдельным восхищением отозвалась она.

— Полное — Велислава, — с гордостью произнесла я.

— Какое редкое и прекрасное имя... — протянула она, и я невольно смутилась от этого комплимента.

Марина Сергеевна чуть подалась вперёд, и её голос стал проникновенным:

— Велислава, я понимаю, что мы виноваты перед вами. Но я хочу сказать вам огромное спасибо за то, что вы заступились за мою дочь. Она совершенно не умеет постоять за себя. Такая ранимая девушка...

Я лишь небрежно махнула рукой, прерывая поток извинений.

— Да хватит уже об этом. Лучше скажите прямо: когда мне приходить к вам или Ксюша будет приезжать ко мне?

Марина Сергеевна понизила голос до заговорщического шёпота и нервно провела рукой по своим и без того туго собранным в пучок волосам:

— Дело в том... мы были бы вам безмерно благодарны, если бы вы на время работы проживали на нашей территории. У нас в доме. О деньгах не беспокойтесь, я всё оплачу.

От удивления я на мгновение потеряла дар речи.

— У вас дома? Но зачем? Это же просто уроки истории, а Ксюша уже не маленький ребёнок.

Ей явно было неловко объяснять свою просьбу. Она продолжала машинально поправлять идеальную причёску.

— Нам так будет удобнее. Мы ни в чём вас не ограничим. Понимаете, у Ксюши совсем нет подруг, да и историю она обожает... Прошу вас, согласитесь хотя бы на время. А если что-то не понравится — вы уйдёте в любой час.

Я тяжело вздохнула. Слова этой холёной женщины, у которой, казалось, было всё для счастья её детей, звучали странно и неискренне. Что-то тёмное и необъяснимое сквозило в этой внезапной настойчивости. И всё же какое-то внутреннее чувство заставило меня кивнуть.

— Хорошо.

Лицо Марины Сергеевны просветлело.

— Отлично! Тогда завтра после школы ждём вас у себя. Водитель сначала заберёт Ксюшу из школы, а потом заедет за вами.

Я лишь молча кивнула в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.